

Научная статья
УДК 82–1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-84
EDN ПУМНН

**Киплингская традиция в советской поэзии:
Николай Тихонов и Осип Мандельштам**

Борис Вадимович Соколов

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант,
издательство «Вече», г. Москва
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация. В статье рассматривается в контексте киплингской традиции влияние поэмы Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» на цикл «Стихи о неизвестном солдате» О. Э. Мандельштама. Также показано отражение поэмы «Лицом к лицу» в стихотворении С. А. Есенина «Письмо к женщине» и реконструируются возможные обстоятельства знакомства Есенина с поэмой «Лицом к лицу». Доказывается, что Есенин дал наиболее афористическое определение содержания тихоновской поэмы и что данная поэма послужила основным источником важнейших мотивов «Стихов о неизвестном солдате» – мотива оптовой скупки задешево людей, превращаемых в пушечное мясо, мотива окопов, превращенных в могилы, а также идеи метафорической трансформации текста об историческом событии в луч света и придания тем самым информации о нем скорости света. Поэму «Лицом к лицу» и цикл «Стихи о неизвестном солдате» роднит пацифистский пафос, полемичный по отношению к Киплингу. Показана также неопределенность текстологии «Стихов о неизвестном солдате». Реконструирована ранняя биография Тихонова и доказано с использованием архивных материалов его производство в офицеры и участие в гражданской войне на стороне белых – в Северо-Западной армии Н. Н. Юденича. Предположительно, Тихонов также мог служить в Русской армии П. Н. Врангеля. Эти факты своей биографии Тихонов успешно скрывал на протяжении всей жизни. Показано, что неприятие Тихоновым коммунистической власти и завуалированная сатира на нее отразились в написанной в духе Киплинга повести «От моря до моря» и в повести «Анофелес», где под влиянием повести М. Булгакова «Роковые яйца» пародируется В. И. Ленин, а также в киносценарии «Улыбка», где пародируется И. В. Сталин. Показано также влияние повести «От моря до моря» на роман В. А. Каверина «Два капитана».

Ключевые слова: традиция; О. Э. Мандельштам; Н. С. Тихонов; Р. Киплинг; советская поэзия; поэтическая лениниана; интертекстуальность; текстология; пародия; сатира; пацифизм

Для цитирования: Соколов Б. В. Киплингская традиция в советской поэзии: Николай Тихонов и Осип Мандельштам // Мир русскоговорящих стран. 2025.

№ 2 (24). С. 84-109. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-84>.
<https://elibrary.ru/IYMN>.

Original article

**Kipling's tradition in soviet poetry:
Nikolai Tikhonov and Osip Mandelstam**

Boris V. Sokolov

Doctor of philology, candidate of historical sciences, scientific consultant, publishing house "Veche", Moscow

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract. The article considers the influence of N. S. Tikhonov's poem Face to Face on the cycle The Poem about the Unknown Soldier by O. E. Mandelstam in terms of the Kipling tradition. It also shows how the poem Face to Face is reflected in S.A. Esenin's poem Letter to a Woman and reconstructs possible circumstances of Esenin's encounter with the poem Face to Face. The author proves that Esenin gave the most aphoristic definition to the content of Tikhonov's poem and that this poem served as the main source of the most important motifs for The Poem about the Unknown Soldier – the motif of people bought in bulk for cheap and turned into cannon fodder, the motif of trenches turned into graves, as well as the idea of metaphorically turning a text about a historical event into a ray of light and thus giving information about it the speed of light. The poem Face to Face and the cycle The Poem about the Unknown Soldier are related to the pacifist pathos, polemical in relation to Kipling. The article also shows the uncertainty of the textual criticism of The Poem about the Unknown Soldier. The early Tikhonov's biography is reconstructed and the archival materials prove that he was an officer and took part in the civil war on the side of the Whites in N. N. Yudenich's North-Western Army. Presumably, Tikhonov could also have served in P. N. Wrangel's Russian Army. Tikhonov successfully concealed these facts of his biography throughout his life. It is shown that Tikhonov's rejection of communist power and his disguised satire on it were reflected in the story From Sea to Sea written in the spirit of Kipling as well as in the story Anopheles, where V. I. Lenin is parodied under the influence of Mikhail Bulgakov's story The Fatal Eggs, and also in the screenplay Smile, where I. V. Stalin is parodied. Moreover, the author shows the influence of the story From Sea to Sea on V. A. Kaverin's novel Two Captains.

Key words: tradition; O. E. Mandelstam; N. S. Tikhonov; R. Kipling; soviet poetry; poetic Leniniana; intertextuality; textual criticism; parody; satire; pacifism

For citation: Sokolov B. V. Kipling's tradition in soviet poetry: Nikolai Tikhonov and Osip Mandelstam. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 84-109. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-84>. <https://elibrary.ru/IYMN>.

Введение

Советская поэзия наследовала киплингговскую традицию как непо-

средственно, так и от поэтов-акмеистов. Монографическое исследование данной проблемы отсут-

ствуют. Есть лишь отдельные наблюдения, в том числе в предисловиях и послесловиях к сборникам переводов Киплинга [См.: Кузьминский, 2008; Сурганова, 2009; Бетаки, 2011; Казарин, Ищенко, 2012; Мосова, 2012; Лекманов, 2016]. Можно согласиться с выводом Р. Ш. Абельской о том, что киплингская поэзия в России неожиданно оказалась «камертоном эпохи» и ощущалась созвучной российским событиям и настроениям первой половины XX века [Абельская, 2006]. Среди акмеистов Николай Гумилев, несомненно, является наиболее ярко выраженным киплингианцем. Но и Осип Мандельштам, хотя и был дальше от киплингской традиции, отразил ее в своем творчестве – прежде всего, в стихотворениях «Я пью за военные астры...» (1931) [См.: Раскин, 2017] и «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931) [См.: Лекманов, 2016]. Также его «Стихи о неизвестном солдате», не восходящие к этой традиции напрямую, оказывается имели в качестве важного источника стихи из поэмы «Лицом к лицу» Николая Тихонова, видного представителя киплингской традиции в советской поэзии. Однако у Мандельштама в тех стихах, которые испытали влияние Тихонова, киплингская традиция отсутствует. Мы постарались показать, как трансформировался один из эпизодов поэмы Тихонова в стихотворении Мандельштама и как данная поэма Тихонова повлияла на творчество Есенина. Киплингианские же мотивы в творчестве Тихонова ока-

зались тесно связаны с его подлинной биографией, которую ему пришлось скрывать всю жизнь.

1. Тихонов и Есенин: «Лицом к лицу» и «Письмо к женщине»

Поэма Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» представляет собой один из первых образцов советской поэтической ленинианы. Она была написана в январе – марте 1924 года и прочитана 6 апреля 1924 года в Институте современной литературы Государственного института искусств. Согласно записи И. А. Груздева, О. Э. Мандельштаму поэма не понравилась, так она и не эпическая, и не субъективная, а главный герой, петроградский лудильщик, «вначале ближе к Ленину, чем в конце. И что с ним происходит дальше – неизвестно. Нет сюжета. Все сплошная гипербола». Ю. Н. Тынянов возразил, что «сейчас мы должны разрывать каноническую форму, чтобы ощутить новую» (*Груздев И. А. Отчет И. А. Груздева об обсуждении поэмы Н. Тихонова «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Институте современной литературы Государственного института искусств с участием О. Э. Мандельштама. 6.4.1924. // РГАЛИ, Фонд 1527 (Эйхенбаум Б. М.). Опись 1, дело 36. ЛЛ. 14–15*). А. Г. Мец ошибочно датирует это чтение 8 марта 1926 года [Мандельштам, 2011, с. 780–781].

В поэме Тихонова в ночь Октябрьской революции лудильщик встречает на Марсовом поле лицом к лицу Ленина, не зная, кто этот человек. В финале же поэмы, уже после гражданской войны, он видит Лени-

на в кинохронике, и понимает, какого великого человека он встретил.

Содержание поэмы Тихонова хорошо передает Сергей Есенин в стихотворении «Письмо к женщине» (1924), обращенном к его первой жене З. Н. Райх:

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
[Есенин, 1997, с. 123]

Это стихотворение впервые было опубликовано 21 ноября 1924 года в тифлисской газете «Заря Востока», а поэма Тихонова была впервые напечатана в 1925 году в 6-й книге альманаха «Недра»¹ [Тихонов, 1925]. Но поэма «Лицом к лицу» уже 6 апреля 1924 года читалась автором публично. Есть большая вероятность, что эту поэму Есенин услышал непосредственно от Тихонова. Поэты встретились в Тифлисе в духане между 10 и 17 сентября 1924 года за стаканом напареули. Тихонов описал эту встречу в воспоминаниях, написанных в связи с гибелью Есенина: «Мы сидели один на один и разговаривали стихами» [Летопись жизни ... , 2010, с. 399–400].

30 сентября 1924 года в письме Е. Г. Полонской Тихонов отмечал: «В Тифлисе встретил Есенина. Он написал 2 балалаечно-геройские поэмы – из пушек по воробьям» [Летопись жизни ... , 2010, с. 399–400]. Составители «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» приходят к выводу, что Есенин читал Тихонову «Поэму о 36» и «Песнь и великом походе» [Летопись жизни ... , 2010,

с. 421]. А в 1964 году Тихонов уточнил, что Есенин читал ему, в частности, «Поэму о 36» [Воспоминания о Сергее Есенине, 1965, с. 492²].

Поскольку поэты «разговаривали стихами», Тихонов тоже читал свои стихи. Поэма «Песнь о великом походе» (1924) посвящена гражданской войне. Там упоминается Ленин, и центральное место занимает отражение похода Н. Н. Юденича на красный Петроград в 1919 году:

Ты не смей дремать,
Трудовой народ!
Как под Питером
Рать Юденича!
[Есенин, 1998, с. 127]

Тихонов сам был тогда офицером в «рати Юденича», что впоследствии в анкетах превратил в участие в «разгроме Юденича под Петроградом» в рядах Красной Армии. В ответ он мог прочесть Есенину свою еще не опубликованную поэму «Лицом к лицу», где речь также шла о гражданской войне, и в которой центральное место занимал Петроград. Поэмы Есенина Тихонову не понравились. «Песнь о великом походе» передавала народный взгляд на события гражданской войны с красной стороны. Тихонов же сражался под Петроградом на белой стороне, и есенинское изображение недавних трагических событий ему, вероятно, претило, но открыто признаться в этом он не мог.

В начале XX века в Москве и Петербурге лудильщики были главным образом цыгане. Журнал «Огонек» в 1917 году поместил фотогра-

фию лудильщиков-цыган с подписью: «На улицах столицы за последнее время появилось очень много цыган-лудильщиков и продавцов медной утвари и посуды» [Петроград в эти дни, 1917, с. 461]. Тихонов намекает на то, что герой – цыган, когда говорит, что он брюнет: «Как будто выплеснул душу /На темную щекую свою» [Тихонов, 1925, с. 54]. А цыгане, как известно, – народ, вышедший из Индии, и его язык относится к индоарийской ветви языков.

Дни – сухарями. Пыль. Корчма.
Ночи – тревогами. Пыли – нагар –
Темнеют панские дома,
Встречая Северный Наган.

К словам «Северный Наган» Тихонов сделал примечание: «Дело идет о польской кампании 1919 года» [Тихонов, 1925, с. 48].

В поэме упоминается «кривой прыжок в условное» [Тихонов, 1925, с. 53]. В реальности цыган в императорской России в армию не призывали, тем более в элитный род войск – кавалерию. Сделав своего лудильщика солдатом и всадником, Тихонов передал ему черты своей военной биографии. Вот только в польской кампании Красной Армии 1919 года, когда советские войска сражались с польскими в Литве и Белоруссии, поэт не участвовал, поскольку в это время сражался против большевиков в Латвии, а потом участвовал в походе Северо-Западной армии Юденича на Петроград. Зато Тихонов мог находиться в Польше в 1920 году вместе с остат-

Это роднит «Лицом к лицу» с гораздо более известным произведением тихоновской ленинианы – поэмой «Сами» (1921). Там героем является индийский мальчик, воображающий себе Ленина. Обе поэмы объединяет то, что вождь большевиков дан в наивном восприятии людей, находящихся на периферии европейской цивилизации и впервые услышавших о Ленине.

В «Лицом к лицу» есть такие строки:

ками армии Юденича в период советского контрнаступления на польском фронте.

2. Тихонов и Мандельштам: «Лицом к лицу» и «Стихи о неизвестном солдате»

О влиянии О. Э. Мандельштама на Н. С. Тихонова писала советская критика 1920-х годов. Современные исследователи также отмечают случаи влияния Тихонова на Мандельштама [Лекманов, 2017]. Пути двух поэтов неоднократно пересекались. В декабре 1922 года Тихонов впервые посетил Мандельштама и читал ему свои стихи, после чего последний, по свидетельству его жены Н. Я. Мандельштам, «попал под очарование Коли Тихонова, но это длилось недолго» [Лекманов, 2017, с. 474]. 8 марта 1926 года между Тихоновым и Мандельштамом состоялась дискуссия на заседании Госу-

дарственного института искусств в Ленинграде. Как вспоминал присутствовавший при этом В. А. Каверин, здесь столкнулись две поэтики: «Мандельштам возражал против предметной поэзии, называвшей вещи своими именами. <...> Это была защита права поэзии на пророчество, на разговор с вечностью». Тихонов же «предпочитал меткость, отчетливость, ясность, развертывающуюся мысль, которая не должна и не может нуждаться в изысканности, отгадке» [Каверин, 1989, с. 302–303].

В 1928 году Тихонов подарил Мандельштаму сборник своих стихов «Поиски героя» (1927) с памятной надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму – с любовью. Н. Тихонов. 1928» [Лекманов, 2017, с. 474]. Как один из ведущих членов редколлегии журнала «Звезда», он добился публикации в 1933 году мандельштамовского «Путешествия в Армению».

31 декабря 1936 года ссыльный Мандельштам писал Тихонову из Воронежа с просьбой о помощи. Он просил: «Добейтесь до разрешения общего вопроса, что может затянуться, – немедленной конкретной помощи – не частной – ну ее к черту, – но скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел и даже работа над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков» [Письма, 1991, с. 29–30].

Под «скромной организованной советской поддержкой» имелась в виду возможность публиковать стихи и прозу в советской печати. Тихонов, который в то время фактически возглавлял редколлегию «Звезды», прекрасно понимал, что судьбу поэта, репрессированного за антисталинские стихи, может решить только сам Сталин, непосредственного контакта с которым он тогда не имел. Поэтому 20 января 1937 года Тихонов переслал письмо Мандельштама зав. отделом художественной литературы ЦК ВКП(б) В. Я. Кирпотину с просьбой ответить «как и что решили» [Письма, 1991, с. 30]. Ответ Кирпотина неизвестен.

Последнее отчаянное письмо Мандельштама Тихонову было написано около 17 апреля 1937 года: «Сейчас дело пахнет катастрофой. Вмешайтесь, пока не поздно. Верьте каждому слову моей жены. Спешите. Иначе всё кончится непоправимо» [Мандельштам, 2011, с. 558]. Но публиковать Мандельштама на свой страх и риск, даже под псевдонимом, Тихонов побоялся.

3 февраля 1924 года Тихонов писал своему другу поэту П. Г. Антокольскому, что «Мандельштам ищет движение и сюжет» [Тихонов, 2005, с. 410]. Для Тихонова же, по замечанию Тынянова, опорой сюжета становится слово [Тынянов, 1977, с. 191–193].

По нашему мнению, поэма «Лицом к лицу» отразилась в цикле Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» («Этот воздух пусть будет свидетелем») (1937–1938)

(библиографию работ об этом стихотворении см.: [Василенко, 2017, с. 83]). Этот цикл Манделъштам послал Тихонову в приложении к письму от 6 марта 1937 года для возможной публикации в журнале «Звезда». В этом письме Манделъш-

До прибылей охочие
Скупали звоном ловким
Дымящееся мясо
В жестянках развороченных
Окопов по дешевке.
Дешевле с каждым часом,
С очередным невольным,
Невольничьим отрядом.

Земля становилась складом
Гнилых консервов...

[Тихонов, 1925, с. 44]

Манделъштам сам не воевал и использовал свидетельство поэта, прошедшего Первую мировую и гражданскую войну. От Тихонова у

там просил о денежной помощи в долг, ответ Тихонова неизвестен [Осип Манделъштам, 1982, с. 9–10].

Вот стихи тихоновской поэмы, отражающие военный опыт поэта периода Первой мировой войны:

Манделъштама – мотив оптовой скупки задешево людей, превращаемых в пушечное мясо, и мотив окопов, превращенных в могилы:

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте –
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.
Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте –
За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил, –
Развороченных – пасмурный, оспенный
И придымленный гений могил.

[Манделъштам, 2009, с. 229]

Скупка по дешевке дымящегося мяса превратилась в «Стихах о неизвестном солдате» в «миллионы «убитых задешево». «Склад гнилых консервов», развороченных жестя-

нок – это метафора окопов, заваленных трупами и ставших могилами для миллионов солдат. У Манделъштама окопы стали развороченными «земляными крепостями», над кото-

рыми витает «пасмурный, оспенный и придымленный гений могил». Небо над окопами Манделъштам видит небом «крупных оптовых смертей». У Тихонова миллионы погибших остаются гнить на земле, а у Манделъштама они протаптывают тропу на небе.

Стоит заметить, что даже в том случае, если бы Манделъштам не был репрессирован в 1934 и 1938 годах, публикация «Стихов о неизвестном солдате» в 1937 году была бы невозможна не только из-за обвинений в пацифизме (по этой причине от публикации стихов отказался журнал «Знамя», см.: [Манделъштам, 2011, с. 844]), но, прежде всего, из-за неизбежных обвинений в «формализме». Здесь мы видим ту же бессюжетность и те же гиперболы, которые сам Манделъштам отмечал в середине 20-х в поэме Тихонова как недостаток, но сам пришел к тем же самым приемам в своих последних стихах. Замечу, что текстология «Стихов о неизвестном солдате» не прояснена до сих пор, и, учитывая, что работа над произведением из-за ареста не была Манделъштамом закончена, вряд ли когда-нибудь нам удастся установить текст, соответствующий последней воле поэта [Богатырева, 1995]. В этой ситуации оптимальным эдиционным решением нам видится публикация всех существующих редакций в одном корпусе, без выделения канонического текста. М. Л. Гаспаров приводит концовку «Стихов о неизвестном солдате», имеющую явно цензур-

ный характер, от которой, по его мнению, поэт в конце концов отказался, поскольку эти строки были «слишком прямолинейные»: «Но окончилась та перекличка И пропала, как весть без вестей, И по выбору совести личной, По указу великих смертей Я – дичок, испугавшийся света, Становлюсь рядовым той страны, У которой попросят совета Все, кто жить и воскреснуть должны. И союза ее гражданином Становлюсь на призыв и учет, И вселенной ее семьянином Всяк живущий меня назовет» [Манделъштам, 2001, с. 671]. По мнению Г. А. Морева, этот текст в действительности отражает последнюю волю Манделъштама [Морев, 2022, с. 174–175]. Но даже если бы Манделъштам представил для публикации «Стихи о неизвестном солдате» с этой концовкой, их публикация в СССР во второй половине 1930-х годов была невозможна.

В поэме Тихонова и в цикле Манделъштама есть общий мотив превращения информации об историческом событии в луч света и придания тем самым словам скорости света:

Империю смыло – ночь рыжей,
И ночи быть довольно. –
Уже рассвет. Зарей уже
Рассказ летит над Смольным.

Как быстрота он не остыл,
Ты верен здесь, Джон Рид,
Сказав про то, что видел ты:
«Very good speed»!

[Тихонов, 1925, с. 47]

Цитату из книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (Ten Days that Shook the World) (1919) Тихонов перевел как «очень хорошая быстрота» [Тихонов, 1925, с. 47]. Здесь возможен также перевод «очень хорошая скорость». У Тихонова рассказ о великом историческом событии – Октябрьской революции – превращается в луч зари. У Мандельштама в луч света превращается рассказ о великих битвах прошлого и настоящего, где «Сквозь эфир десятично-означенный /Свет размолотых в луч скоростей /Начинает число, опрозраченный /Светлой болью и молью нулей. <...> /Весть летит светопыльной обновою: /– Я не Лейпциг, я не Ватерлоо, /Я не Битва Народов, я новое, /От меня будет свету светло» [Мандельштам, 1994, с. 124].

Мы вслед за П. М. Нерлером и А. Т. Никитаевым полагаем, что этот фрагмент относится к последней авторской редакции цикла. А. Г. Мец [Мандельштам, 2011] и М. Л. Гаспаров [Мандельштам, 2001] относят его к одной из промежуточных редакций. В этих строках заключена важная для Мандельштама мысль о том, что память об истории метафорическим лучом освещает настоящее и будущее.

3. Тайная биография

Николая Тихонова и Р. Киплинг

По заключению Ю. С. Блюмквист, образ войны являлся центральным в поздних стихотворениях Киплинга [Блюмквист, 2014]. У Тихонова же война была главной

темой его поэзии, и лучшие стихи и поэмы Тихонова, начиная с «Орды» и «Браги» и заканчивая поэмами «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», посвящены военной теме. Но в отличие от Киплинга и Мандельштама, никогда не воевавших, Тихонов семь лет провел на фронтах Первой мировой и гражданской войн, сначала унтер-офицером и фельдфебелем (подпрапорщиком), а с октября 1917 года и по осень 1920 года – офицером поля боя, непосредственно участвовавшим в боевых столкновениях. Киплингу, как и Мандельштаму, никогда не приходило в голову скрывать свою раннюю биографию до наступления литературной известности, и придумывать и жить с вымышленной биографией. А Тихонову пришлось придумать себе биографию, так как приходилось скрывать свое богатое белогвардейское прошлое, отразившееся, прежде всего, в сборниках «Орда» и «Брага» и некоторых более поздних стихотворениях и поэмах.

Чтобы легализоваться в советской поэзии, Тихонову пришлось придумать себе отца – бедного ремесленника и собственную службу писцом в хозяйственном управлении Морского министерства, на которую будто бы пришлось пойти, чтобы помочь семье сводить концы с концами. Также пришлось придумать службу в гусарском полку во время Первой мировой войны, вступление добровольцем в Красную Армию и участие в разгроме армии Юденича под Петроградом

осенью 1919 года [Тихонов, 1981]. На самом деле отец Тихонова был вполне состоятельным бизнесменом, владельцем магазина «Парики» в центре Петрограда [Весь Петроград на 1917 год, 1916]. Легенду про службу в Морском министерстве пришлось изобретать для того, чтобы объяснить знание ряда морских терминов. Это знание Тихонов, по всей видимости, приобрел во время учебы в Морском кадетском корпусе. В повести Тихонова «Старатели», опубликованной в 1918 году в журнале «Нива» и при жизни автора не переиздававшейся, главный отрицательный герой с inferнальными чертами Меффистофеля носит фамилию Зейман. А «зейманами» называли друг друга кадеты и гардемарины Морского кадетского корпуса. Но признаваться в учебе в Морском кадетском Тихонов никак не мог, так как сыновья бедных ремесленников там никогда не учились, а учились только дети из обеспеченных семей.

Уже в 70-е годы в беседах с ленинградским журналистом и издательским работником Д. Т. Хренковым Тихонов признавался: «Стихи Киплинга были для меня глотком свежей воды. <...> Киплингowski томми – всегда в оппозиции к своему народу и всегда в своих завоеваниях приносит беду народу другому. Не могу сказать, что тогда, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, я понимал это глубоко» [Хренков, 1984, с. 11]. Здесь – косвенное признание в том, что Тихонов знал английский язык

еще до Первой мировой войны, так как стихотворения Тихонова на русский еще не были переведены, и он мог читать их только по-английски. Но ранее, в 1930 году, Тихонов вспоминал, как в 1921 году в беседе с К. И. Чуковским прочел ему «Балладу о синем пакете», и тот указал ему на сходство сюжета баллады с сюжетом баллады английского поэта XIX века Роберта Браунинга (Броунинга) «Как привезли новости из Гента в Аахен». Признаваться в знании английского Тихонову было никак нельзя, так как до революции английский, не преподававшийся в гимназиях и торговых школах, можно было выучить, либо обучаясь в морском кадетском корпусе, либо занимаясь английским со специально нанятым домашним учителем. Последнее было доступно только состоятельным семьям. Поэтому Тихонов всем говорил, что начал учить английский только в начале 20-х годов, уже после выхода «Орды» и «Браги». А тогда он спросил Чуковского: «А Браунинг по-русски есть?», и, услышав отрицательный ответ, заявил: «Я же по-английски не читаю. Поэтому откуда же у меня с ним связь?». Чуковский, смеясь, ответил: «Не знаю, наверное, родство душ». Завершил же Тихонов рассказ ложным утверждением: «Когда впоследствии я стал заниматься английским и уже читал английские стихи, я, помня о Браунинге, отыскал его и сразу же схватил эту балладу. Но похожи там были только некоторые места рит-

ма, больше ничего» [Тихонов, 2005, с. 356].

Тихонов служил не в гусарском полку (так в 17-й кавалерийской дивизии называли полк Офицерской кавалерийской школы), а в 20-м драгунском Финляндском полку той же дивизии и приказом по полку от 7 октября 1917 года был произведен из подпрапорщиков в прапорщики (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 75*). 18 декабря 1917 года он был выбран командиром 3-го эскадрона финляндских драгун (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 98*), а 24 февраля 1918 года, в ходе германского наступления, согласно записи в Журнале военных действий 20-го драгунского Финляндского полка, «во время перестрелки убит командир эскадрона тов. Тихонов» (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 112*). Кроме того, в августе 1917 года в составе 20-го драгунского Финляндского полка Тихонов, будучи членом полкового комитета и начальником команды связи, принимал участие в разоружении и аресте части солдат 10-го Сибирского стрелкового полка, отказавшихся выступать на фронт (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917, фонд №3572, опись 1, дело 408. ЛЛ. 10–13*). Эти события были отражены в повести

«Старатели», причем с явной критикой действий большевиков и других революционных партий, разлагавших армию, в том числе через солдатские комитеты. Очевидно, Тихонов стремился скрыть как факт своего производства в офицеры, так и свое участие в подавлении антивоенного выступления солдат. Поэтому и указал местом службы другой полк, где его следы при всем желании невозможно было найти. А поскольку в 20-м Финляндском полку Тихонов по документам числился убитым, он всегда мог заявить, что это был его однофамилец.

24 февраля 1918 года Тихонов не погиб, а присоединился к Отряду Особой важности имени атамана Леонида Пунина, который тогда действовал совместно с 17-й кавалерийской дивизией. Отрядом командовал штабс-ротмистр С. Н. Булак-Балахович. Повесть Тихонова «От моря до моря» (1925), название которой повторяет название книги очерков Киплинга “From sea to sea”, опубликованной в 1899 году, по содержанию напоминает роман Киплинга «Ким» (Kim) (1901), о мальчике, сыне ирландца и индианки, после смерти отца выполняющем в Индии и Афганистане задания британской разведки. У Тихонова главный герой – мальчик Димка (в его имени есть все три буквы имени «Ким»)³, потерявший отца, путешествует с большевиками-красноармейцами от Балтийского до Черного моря в годы гражданской войны 1918–1921 гг., попутно вы-

полняя порой функции разведчика. В финале же, перед возвращением к красным, он как бы становится Маугли – волны сорвали с него одежду, и голый Димка «стал первобытным мальчиком, вокруг которого бушевали стихии...» [Тихонов, 1975, 93]. Как и у Киплинга, в повести Тихонова есть inferнальные мотивы. В частности, образ Козела ассоциируется с чертом. Киплинговским образом, навеянным стихотворением «Мировая с медведем» (*The Truce of the Bear*) (1898), является образ безумного моряка Киракоза, который сошел с ума после того, как мальчиком испугался в лесу медведя, бросившего в него камень, то есть медведь здесь, как и у Киплинга, ведет себя как человек. Тихоновский медведь бросает в мальчика камень, а медведь Киплинга выходит из каменной пещеры.

Исходя из информации, которой мы располагаем о Тихонове, воспоминанием о детстве выглядит эпизод с малышом, играющим с большой железной дорогой, доступной только богатым детям. Также автобиографические черты могут быть у еще одного героя повести – 17-летнего Эрика фон Торрена, петербургского немца (точнее, австрийца) из обедневших дворян, который служит в конноартиллерийской батарее у белых, а потом переходит к красным. Не исключено, что отец Тихонова имел дворянское происхождение (в Санкт-Петербургской губернии был дворянский род Тихоновых, но

неизвестно, принадлежал ли к нему отец Тихонова). Также возможно, что в роду Тихонова были остзейские немцы. В автобиографии 1922 года Тихонов писал, что «дед у меня латыш» [Тихонов, 1922, с. 29], но не исключено, что латышской национальностью он маскировал остзейского предка.

В повести есть и завуалированное осуждение красного террора: «Суд революции в те времена был и скор и строг. Судьбу человека, здания, корабля, города революция решала в одну минуту, и если они были осуждены этим судом, здание рушилось, корабль тонул, город загорался с четырех концов, а человек умирал так быстро, что не успевал вспомнить, как его зовут» [Тихонов, 1975, с. 61]. А еще, намек на последствия революции, Тихонов предупреждал: «Ни в каком деле нельзя ручаться за повороты» [Тихонов, 1975, с. 30]. И скептически относился к перспективам мировой революции: «Кишка тонка на весь мир идти! И так без порток ходим...» [Тихонов, 1975, с. 67]. И иронизировал в повести над инспектором военкомата Соколовым, основное занятие которого в голодном Петрограде – разыгрывать на картах будущие бои на улицах Парижа, Берлина, Лондона или Рима.

В «От моря до моря» уже присутствует тот стиль, который мы привыкли связывать с Андреем Платоновым, возникший у Тихонова раньше. Вполне по-платоновски звучат некоторые фразы тихоновской повести: «Голоса комиссаров

догоняли уходящих и возвращали обратно. Эта переключка голосов и стуков наполняла все комнаты и лестницы небольшого дома»; «Судья революции сидел перед ним, темнея квадратным подбородком и холодными, точно электрическими, глазами. Порой они горели кошачьим огнем. Он был, как сама революция, прост и страшен» [Тихонов, 1975, с. 29, 62]. Но, поскольку «От моря до моря» была предназначена для детей, в ней не было натурализма, который мы находим у Платонова.

У Тихонова была мысль продолжить «От моря до моря» в духе Киплинга. Он писал литературоведу Н. А. Трифонову 9 октября 1978 года: «Если вы вспомните роман Киплинга “Ким”, то там шла речь о мальчике-разведчике, где он главного врага Британской империи в Индии видел в России. У меня была мысль на нашем восточном материале написать роман – поспорить с Киплингом. Этот роман остался только в черновых набросках плана» [Из эпистолярного наследия ... , 1983, 594]. В начале тихоновской повести Димка вместе с отбившимся от своего полка отрядом из 12 всадников во главе с солдатом, большевиком Степановым (автобиографическим персонажем, при том что в гражданскую войну Тихонов был противником большевиков), отступая под натиском немцев, в конце февраля 1918 года в Северной Латвии в одном из имений встречают «батальон смерти», который Степанов

определяет как противников большевиков. Хотя Степанов и назван в повести солдатом, но у него имеется полевая книжка – атрибут офицера. «Батальонами смерти» в русской армии называли пехотные ударные батальоны, которые начали формироваться после Февральской революции. В кавалерии «батальоны смерти» не создавались, но фактически к ним приравнивались созданные еще до революции два конных партизанских отряда – Отряд Особой важности имени атамана Леонида Пунина в Прибалтике и партизанский отряд под командованием атамана Б. В. Анненкова, действовавший в Белоруссии. Димка и Степанов видят знамя «батальона смерти»: «Они носили на рукавах черные полосы, а на рукавах и папах череп с белыми костями. <...> Знамя тоже было черное с черепом и костями» [Тихонов, 1975, с. 16]. Бойцы отряда имени атамана Леонида Пунина называли себя «рыцарями смерти», а их знамя, существовавшее еще с 1916 года, представляло собой «черное полотнище из добротного плотного шелка. На его лицевой стороне скалила белые зубы Адамова голова, а вокруг бежала надпись: “Всадники несите смерть Германии”» [Хорошилова, 2013, с. 75]. О том, что встреченный Степановым и Димкой отряд был кавалерийским, свидетельствует то, что командир «батальона смерти», капитан Рыкачев, является кавалеристом, так как в дальнейшем он командует в армии Деникина конноартиллерийской

батареи. В отряде имени атамана Пунина тоже была такая батарея. Вероятно, в образе Рыкачева, главного антипода положительных героев повести, отразились черты С. Н. Булак-Балаховича. Интересно, что образ «батальона смерти» из повести «От моря до моря», возможно, отразился в романе близкого друга Тихонова В. А. Каверина «Два капитана» (1938–1944). Здесь отчим главного героя, Гаер Кулий, служащий в батальоне смерти, очень напоминает солдата Козела, которого встречают Степанов и Димка в том же имени, и людей Рыкачева. Этот солдат – мошенник, спекулянт и мародер, тащит с собой мешок с украденными настенными часами. Гаер Кулий после разгрома батальона тащит из дома матери главного героя мешок с вещами, в том числе с бархатной жакеткой матери.

Отряд С. Н. Балаховича еще в октябре 1917 года признал власть большевиков, а в марте 1918 года на его основе под командой Балаховича был сформирован Лужский партизанский (он же – 1-й Конный) полк, получивший личное шефство Троцкого. После того, как германская угроза миновала, полк Балаховича в начале ноября 1918 года перешел на сторону белых в Псков, где формировался Северный добровольческий корпус. Офицеры полка во время службы у большевиков сняли погоны, но бережно хранили их, рассчитывая вскоре надеть вновь. Вместе с полком к белым перешел и Тихонов. В авто-

биографии 1926 года он писал, что служил в 1-м полку, но только стрелковым, имени Калинина [Тихонов, 2005], а в позднейшей автобиографии утверждал, что был демобилизован из старой армии весной 1918 года, а осенью того же года пошел добровольцем в Красную Армию [Тихонов, 1981]. Эта ложь понадобилась для того, чтобы скрыть службу у красных в полку Булак-Балаховича, что предполагало последующий переход к белым. В первой редакции повести, опубликованной (не полностью) в 1925 году журнале «Новый Робинзон», присутствовало имя Троцкого, к которому в Смольный обращался один из персонажей повести. В позднейших изданиях имя Троцкого исчезло.

После того как в ноябре 1918 года под натиском Красной Армии белые оставили Псков и отступили в Прибалтику, Тихонов оказался среди той части Северного корпуса, которая отошла на Ригу, а потом на Либаву, где он в январе 1919 года вступил в отряд светлейшего князя А. П. Ливена, вместе с которым участвовал в боях в Прибалтике. В стихотворении Тихонова «Атака под Роденпойсом» отразился бой под Роденпойсом 24 мая 1919 года, когда отряд попал в засаду и был атакован красными. Лирический герой Тихонова и его товарищи после атаки вынуждены отступать под неприятельскими пулями, как это и было с кавалерийским эскадроном ливенцев в том бою [Белая борьба ... , 2003].

Тихонов же впоследствии утверждал, что участвовал в кавалерийской атаке под Роденпойсом 21 августа (3 сентября) 1917 года в Первой мировой войне, во время немецкого наступления на Ригу [Тихонов, 1981]. Однако тихоновский 20-й драгунский Финляндского полка, согласно записям в его Журнале военных действий, в этой атаке не участвовал (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, ЛЛ. 4–15*). Зато в ней участвовал разъезд отряда имени атамана Пунина, к которому потом присоединился Тихонов и от бойцов которого он мог знать подробности атаки. И события 21 августа совсем не соответствуют тому, что описал Тихонов в стихотворении, поскольку из-за атаки русской кавалерии немцы отступили и целый день не возобновляли наступление [Хорошилова, 2013].

Отряд Ливена летом 1919 года был переброшен с Эстонию, а затем в белую Северо-Западную армию, в составе которой был переформирован в 5-ю пехотную Ливенскую дивизию. В альбоме «Белая Россия 1917–1922» есть фотография «Сторожевой пост под д. Килли лето 1919 г.» (в настоящее время эта деревня относится к Кингисеппскому району Ленинградской области), запечатлевшая ливенцев [Белая Россия, 2003]. Впервые она была опубликована в сборнике воспоминаний офицеров Ливенского отряда «Памятка ливенца» (1929 год), изданном в Риге. На фото можно узнать Тихонова,

причем в отличие от остальных ливенцев, одетых в германскую униформу и каски (большинство отряда составляли офицеры и добровольцы, ранее находившиеся в плену в Германии; они были экипированы из германских складов в Прибалтике), он единственный одет в русскую униформу – гимнастерку и фуражку, причем по положению на заднем плане и свободной, неуставной манере держаться можно заключить, что Тихонов – начальник поста.

В архиве Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в документах штаба 5-й Ливенской пехотной дивизии армии Юденича мне удалось обнаружить следующую записку карандашом без даты: «К-ру 2 полка Передовые части противника подошли к Перегребу (*деревня Гдовского уезда Петербургской губернии, ныне – в Сланцевском районе Ленинградской области. – Б. С.*), отеснив наш конный разъезд. Численность противника пока не выяснена. Тихонов (*расшифровка подписи и подпись. – Б. С.*)». На обороте донесения (*другим почерком – Б. С.*): «Прошу передать телефонограмму в штаб полка. Е. Р.» (*Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 1919. Л. 19 и об.*) Резолюция на обороте донесения принадлежит подполковнику Е. Н. Решетникову, в ноябре 1919 года исполнявшему должность начальника штаба Ливенской дивизии, а в декабре утвержденному в этой должности. Вероятно, донесение написано в середине ноября 1919 года, когда

армия Юденича отступала от Петрограда к эстонской границе. Согласно заключению эксперта-подчерковеда Д. М. Фельдмана, можно «заключить с высокой долей вероятности, что Н. С. Тихонов – автор документа, хранящегося в архиве Дома Русского Зарубежья»⁴. Основываясь на тексте донесения, Тихонов в тот момент был командиром конной разведки 2-го Ливенского (18-го Рижского) полка. Таким образом, находит свое объяснение, почему самое известное тихоновское стихотворение «Баллада о гвоздях», как доказал Н. В. Кофырин, посвящено британским морякам, совершившим рейд на торпедных катерах на красный Кронштадт в ночь с 17 на 18 августа 1919 года [Кофырин, 2015]. Ведь англичане тогда были союзниками Юденича.

Дальнейший путь Тихонова в гражданской войне можно реконструировать только предположительно. Он отступил в Эстонию вместе с армией Юденича. Оттуда Тихонов, скорее всего, весной 1920 года через Латвию, Польшу и Германию добрался до французского порта Марсель, а оттуда прибыл в Крым, занятый Русской армией П. Н. Врангеля. Косвенным свидетельством пребывания поэта в армии Врангеля может служить стихотворение «Да, чужда мне, чужда Нева...», где есть такие строки:

Тело бросили в долгий гон,
Но нельзя же годами в бреду
Вместе с кожей срезать погон
Иль на лбу вырезать звезду.

[Тихонов, 2024, с. 106]

Здесь Тихонов осуждает только красный террор, поскольку эти строки восходят к одному конкретному эпизоду. В освобожденном от красных Харькове Добровольческая армия при эксгумации жертв ЧК обнаружила, что «на трупах бывших офицеров <...> были вырезаны ножом, или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу – советская звезда, а на груди – орденские знаки» [Жевахов, 1928, с. 185]. Об этом эпизоде писали в 1919–1920 гг. в деникинских и врангелевских газетах, но вряд ли эту информацию можно было найти в газетах Северо-Западной армии. В Крыму Тихонов мог встречаться с теми, кто знал о харьковской эксгумации жертв ЧК. Это стихотворение Тихонова было впервые опубликовано в берлинском альманахе «Пчелы» в 1923 году. Но написано оно могло быть раньше, еще в 1920 году, в Крыму. Степанов, у которого есть портретное сходство с Тихоновым («высокий человек, с лицом, точно вырезанным из красной сосны», [Тихонов, 1975, с. 93]), в конце повести командует красной конноартиллерийской батареей, которая прежде была у белых. Не исключено, что Тихонов у Врангеля служил в конной артиллерии.

Также в стихотворении «Перекоп» тот, от лица которого написана первая половина стихотворения, находится не в Северной Таврии, среди штурмующих Перекоп красных, а в Крыму, среди обороняющих Перекоп белых, которые «красным волкам» готовят «кап-

кан», используя против них авиацию («Волкодавы крылатые бросились с гор»). На это указывают и упоминаемые в начале стихотворения кипарисовые рощи, свойственные для Крыма, но не для Северной Таврии [Тихонов, 2005]. Характерно, что Тихонов до Великой Отечественной войны никогда не приезжал в Крым, возможно, опасаясь, что его могут опознать как бывшего врангелевского офицера. И в повести «От моря до моря» Крым выпадает, поскольку действие после весны 1920 года переносится в конец 1920 года, уже после эвакуации Крыма. И нет там также боев под Петроградом, то есть тех боев, в которых Тихонов точно участвовал. При этом в повести говорится, что герои вступают в «великую гражданскую войну» [Тихонов, 1975, с. 48], из чего можно заключить, что Тихонов на самом деле высоко оценивал свою миссию в этой войне. Он никогда не упоминал об участии в гражданской войне на стороне красных, кроме разгрома Юденича. Но про последнее можно было писать без всякого риска. Когда Северо-Западная армия осенью 1919 года подходила к Петрограду, в городе было создано много импровизированных отрядов из работников тыловых военных учреждений и рабочих. Когда опасность миновала, эти отряды были расформированы. Тихонов всегда мог сказать, что служил в одном из таких отрядов, и проверить его слова было невозможно. А вот сказать, что он участвовал в разгроме Вран-

геля, было рискованно, поскольку было хорошо известно, какие именно красные полки участвовали в боях с Врангелем, и Тихонова могли поймать на лжи.

Как именно Тихонов попал от белых к красным, мы не знаем до сих пор. Можно только предположить, что, очутившись у красных в Крыму или в Северной Таврии, он сумел выдать себя за красноармейца, оказавшегося в плену у Врангеля, и таким образом избежать проверки и причисления к белым. Известно только, что в конце 1920 года Тихонов уже был в Петрограде, а в начале 1921 года несколько месяцев служил в учебно-опытном минном дивизионе, откуда по ходатайству Н. С. Гумилева был демобилизован для занятия поэзией.

Если судить по другим произведениям, Тихонов так и не полюбил большевиков, хотя и удачно к ним приспособился. Скрытая антисоветская сатира присутствует у него вплоть до начала 30-х годов. Так, в повести «Анофелес» (это слово в переводе с латинского (*Anopheles*) означает «малярийный комар» и происходит от древнегреческого ἀνοφέλης – «бесполезный, никчёмный, вредный») главный герой, пожилой учитель географии Кучин, интеллигент в пенсне и бородкой, идет осуществлять утопический проект вывода из города стариков и создания из них лесной коммуны, для соединения с природой, но проект терпит крах в самом начале, так как Кучина задерживают на

улице во время учебной газовой тревоги, укладывают на носилки, бинтуют и уносят в подвальное газозубежище. Здесь Тихонов пародировал утопический проект Ленина по построению коммунистического общества в России, обреченный на провал, в том числе из-за милитаризации жизни общества. Вероятно, Тихонов вдохновился повестью М. А. Булгакова «Роковые яйца», опубликованной в той же книге альманаха «Недра», что и поэма «Лицом к лицу». Булгаков пародировал Ленина и большевистскую революцию в образе профессора Персикова – изобретателя красного луча, вызвавшего к жизни гигантских гадов. Одна из этимологий фамилии Кучин – от реки Куча в Юсьвинском районе Пермского края, что ставит ее в ряд фамилий и псевдонимов, производных от северных русских рек – Онегин (от Онеги), Печорин (от Печоры), Ленин (от Лены). Кроме того, было известно, что Ленин в 1893 году болел малярией, а Кучин в повести уподоблен малярийному комару. В эпизоде же, когда главный герой оказывается на улице во время учебной газовой тревоги, он видит в окно людей в противогазах, похожих на гигантских рептилий из булгаковской повести: «Перед столом у телефона стояло чудовище со сборчатой мордой, с огромными рыбьими глазами, от удлиненного подбородка спускался змеевик в сумку живота. Руки чудовище имело вполне человеческие, одна рука держала телефонную трубку. Дру-

гой родственник чудовища сидел с фуражкой на своей драконьей голове за столом и тоже человеческой рукой писал на бланках что-то видно очень спешное и важное» (Тихонов Н. С. *Химическая тревога* (из рассказа «Анофелес») // *Красная панорама*. 1929. 13 декабря. № 50. С. 2–3). Этот эпизод, опубликованный еще в 1929 году, отразился в эпизоде романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931), когда Корейко сбегает от Бендера во время учебной газовой тревоги [Щеглов, 2009]. Этот эпизод тихоновской повести мог также отразиться и в булгаковском романе «Мастер и Маргарита», где пустой костюм подписывает бумаги и разговаривает по телефону.

В «Анофелесе» пародируются собрания «Серапионовых братьев»: кучинские старики собираются за рюмкой водки, и каждый рассказывает другим истории и ожидает, что его похвалят. При этом один из стариков произносит крамольную фразу по поводу речей Кучина: «Одно дело слушать бредни, другое дело приводить их в исполнение» [Тихонов, 1930, с. 33]. Проницательный читатель мог догадаться, к кому в действительности относится эта фраза.

Еще опаснее для автора был сценарий «Улыбка», написанный Тихоновым в соавторстве с режиссером А. В. Мачеретом в начале 1930-х годов. Его содержание Тихонов подробно изложил в мемуарах, опубликованных незадолго до смерти. Действие происходит на боль-

шом судостроительном заводе, символизирующим Балтийский завод в Ленинграде, на котором Тихонов работал с бригадой писателей. Происходит спуск на воду первого большого советского корабля. Но внезапно корабль останавливается и не сходит со стапелей. Выясняется, что мыло, которым смазали стапеля, было бракованным. Оно замерзло, и схватило корабль. В ходе расследования «открывается вся картина завода и взаимоотношений между людьми, и все восходит к <...> директору, который был такой железный большевик, что никогда в жизни не улыбался. Постепенно выясняется, что его отношения с людьми не те, которые нужны, он очень беспощаден, он очень строг там, где не нужно, и вся катастрофа, собственно говоря, сводится к делопроизведению. И вот в процессе устранения недостатков на заводе и исправления директорского характера проходят в обратном плане все взаимоотношения, все меняется к лучшему, и директор становится другим человеком. И когда наконец корабль действительно спускается на воду, тогда впервые видят, как директор улыбнулся счастливой улыбкой» [Тихонов, 2005, с. 386–387].

В образе «железного большевика» директора здесь была слишком явная пародия на Сталина, и неудивительно, что сценарий был отвергнут. По словам Тихонова, когда Мачерет вернулся из Москвы, «мне было трудно его утешить. Он сказал, что нам за сценарий так выпали, что-то невероятное» [Тихонов,

2005, с. 387]. Можно сказать, что Тихонову еще повезло. Если бы фильм «Улыбка» был поставлен, и не кулуарный, а публичный скандал разразился бы уже после его выхода на экран, Тихонова и Мачерета могли репрессировать. Во всяком случае, после скандала с «Улыбкой» Тихонов больше скрытую сатиру в свои произведения не вставлял, а начал делать успешную номенклатурную карьеру, сначала во главе Ленинградской писательской организации, а потом в руководстве Союза советских писателей и Советского комитета защиты мира. И испугался помочь Мандельштаму, вероятно, потому, что репрессии становились все суровее, и он все больше опасался разоблачения. И после 1930 года Тихонов больше не переиздавал «Анофелес».

В воспоминаниях, опубликованных в 1978 году, незадолго до смерти, Тихонов, писал о К. А. Федине: «<...> как ни странно, я мог бы с ним встретиться в 19-м году, потому что он был редактором газеты Башкирской дивизии, которая воевала против Юденича и в это время вступила в Петроград. Но тогда мы с ним не увиделись» [Тихонов, 2005, с. 375–376]. Поскольку Тихонов в то время сражался в рядах армии Юденича, то его сожаление о не встрече с Фединым – того же рода, что и сожаление М. А. Шолохова в выступлении на XXIII съезде КПСС 2 апреля 1966 года о том, что А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль не попались ему «в памятные двадцатые годы»,

когда «не ту меру наказания получили бы эти оборотни!» [XXIII съезд КПСС, 1966, с. 358]. Возможная встреча Тихонова с Фединым под Петроградом выглядела бы, вероятно, так:

«Ваше благородие! Тут комиссара поймали, с башкирской дивизии! У него партбилет в кармане! – С собой не потащим! Давай его в овраг! – Братцы! Родненькие! Не надо в овраг! Я не по своей воле! Мобилизованный! А из партии я как раз выписаться хотел!» (*Федин действительно вышел из партии большевиков в 1921 году, чтобы всецело посвятить себя литературе*).

Сожаление Тихонова в последних мемуарах о своей неслучившейся встрече с Фединым в 1919 году свидетельствует не только о его нелюбви к Федину в последние годы жизни (о ее причинах можно только догадываться), но и о том, что он ничуть не сожалел о своем белогвардейском прошлом.

Заключение

Есенин сформулировал афористическое определение основной идеи поэмы «Лицом к лицу». У Тихонова эта идея относится к исторической личности и историческому событию. У Есенина же в «Письме к женщине» она касается лишь взаимоотношений мужчины и женщины. Поэма «Лицом к лицу» для Мандельштама стала источником образов и идей дешевых оптовых смертей и окопов как «консервов» пушечного мяса, а также идеи

метафорического превращения текста об историческом событии в луч света и придания тем самым информации о нем скорости света в «Стихах о неизвестном солдате». Пацифистский пафос этого цикла полемичен по отношению к Киплингу, как и поэма Тихонова.

Тихонов, зная английский язык, познакомился с творчеством Киплинга еще до Первой мировой войны. Оно отразилось как в стихах «Орды» и «Браги», запечатлевших его опыт Первой мировой войны и службы в белых армиях, так и в прозе, прежде всего в повести «От моря до моря». Вынужденный всю жизнь скрывать свою подлинную белогвардейскую биографию, Тихонов тем не менее не сожалел о белогвардейском прошлом, и в написанной в духе Киплинга повести «От моря до моря» и в повести «Анофелес» и стихотворениях 1920-х годов допускал завуалированное осуждение красного террора и столь же завуалированную сатиру на коммунистический эксперимент в России и его автора Ленина, а также написал довольно злую пародию на Сталина – так и не поставленный киносценарий «Улыбка». Только в начале 1930-х годов он прекратил скрытое фрондерство, понятное только проницательным и образованным читателям. Это произошло, по всей вероятности, как из-за усиления репрессий в стране, так и из-за начала собственной номенклатурной карьеры.

Примечания

1. За предоставление текста этой публикации хочу принести свою самую искреннюю благодарность профессору Владимиру Васильевичу Захарову, к несчастью, уже покойному.
2. Впервые опубликовано: Тихонов, 1964, с. 340–341.
3. Димка – в данном случае сокращенная форма от имени Вадим.
4. Копия письма Д. М. Фельдмана, хранящаяся в архиве автора статьи.

Библиографический список

1. Абельская Р. Ш. «Не бродяги, не пропойцы, за столом семи морей...» (Окуджава, Киплинг, Гумилев и другие) // *Голос надежды: новое о Булате Окуджава* / сост. А. Е. Крылов. Москва : Булат, 2006. Вып. 3. С. 336–358.
2. *Белая борьба на Северо-Западе России* / сост., науч. ред., предисл., коммент. С. В. Волкова. Москва : Центрполиграф, 2003. 687 с.
3. *Белая Россия 1917–1922. Фотоальбом* / под ред. В. Ж. Цветкова, Б. С. Пушкарева. Москва : Посев, 2003. 320 с.
4. Бетаки В. П. Редьярд Киплинг и русская поэзия XX века // Киплинг Р. *Избранные стихи из всех книг* / сост. В. П. Бетаки. [Б. м.] : Salamandra P.V.V., 2011. С. 256–305.
5. Блюмквист Ю. С. Образ войны в поэзии позднего Р. Киплинга // *Science Time*. 2014. № 9. С. 21–28.
6. Богатырева С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы. Проблемы текстологии позднего Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения : сборник статей. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 360–377.
7. Василенко С. В. О. Э. Мандельштам. Произведения: стихотворения // *Мандельштамовская энциклопедия: В 2 тт. Т. 2* / под ред. О. А. Лекманова, П. М. Нерлера. Москва : РОССПЭН, 2017. С. 55–109.
8. *Весь Петроград на 1917 год*. Петроград : Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1916. 1880 с.
9. *Воспоминания о Сергее Есенине* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Московский рабочий, 1965. 521 с.
10. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет: в 2-х тт. Т. 1. Москва : Политиздат, 1966. 640 с.
11. Дымшиц В. А. Редьярд Киплинг // Киплинг Р. *Стихотворения* / сост. А. Глебовская, С. Степанов. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1994. С. 5–23.
12. Есенин С. А. *Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 2* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Наука; Голос, 1997. 464 с.
13. Есенин С. А. *Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 3* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Наука; Голос, 1998. 720 с.
14. Жевахов Н. Д. *Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Николая Жевахова. Т. 2: Март 1917 – Январь 1920*. Новый Сад, 1928. VIII+461 с.
15. *Из эпистолярного наследия советских писателей // Литературное наследство. Т. 93: Из литературного наследия советских писателей 1920–1930-х*

- годов. Новые материалы и исследования / под ред. В. Р. Щербины. Москва : Наука, 1983. С. 531–737.
16. Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. Москва : Современник, 1989. 320 с.
17. Казарин В. П. Б. П. Корнилов и Д. Р. Киплинг / В. П. Казарин, Н. А. Ищенко // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77). С. 128–133.
18. [Кофырин Н. В.] Баллада о гвоздях. Часть 1. Десятилетия под спудом ложных версий // Сергей Беленький. Былое и думы. 2015. 2 июля. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11069.html> (дата обращения: 28.05.2025).
19. [Кофырин Н. В.] Баллада о гвоздях. Часть 2. Курс – ост. Кронштадский кегельбан // Сергей Беленький. Былое и думы. 2015. 15 августа. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11333.html> (дата обращения: 28.05.2025).
20. Кузьминский К. К. Еще о «народных» песнях... Киплинг, Ада Оношкович-Яцына, Геннадий Фиш и Ю. Андропов. URL: <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/kipl.htm> (дата обращения: 28.05.2025).
21. Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух. Москва : АСТ, 2016. 464 с.
22. Лекманов О. А. Тихонов Николай Семенович // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 тт. Т. 1 / под ред. О. А. Лекманова, П. М. Нерлера. Москва : РОССПЭН, 2017. С. 474–475.
23. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 тт. Т. 4 / под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
24. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 тт. / сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца. Москва : Прогресс-Плеяда, 2009.
25. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 3 / сост. и коммент. П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1994. 530 с.
26. Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспаров. Москва : АСТ; Харьков : Фолио, 2001. 739 с.
27. Морев Г. А. «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама. Археографический контекст и восстановление текста // Новый мир. 2022. № 5. С. 164–178.
28. Мосова Д. В. Стихотворение Булата Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...»: диалог с Блоком на фоне Киплинга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Вып. 2. С. 85–88.
29. Осип Мандельштам. Семь писем. Публикация Серафимы Поляниной [Софии Викторовны Поляковой] // Часть речи. Альманах литературы и искусства. Вып. 2–3. Нью-Йорк : Серебряный век, 1982. С. 6–14.
30. Петроград в эти дни. По фотографиям для «Огонька» А. Помовского // Огонек. 1917. № 29. 30 июля (12 августа). С. 461.
31. Письма О. Э. Мандельштама Н. С. Тихонову. Публикация, предисл. и примеч. С. В. Поляковой // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы / под ред. З. С. Паперного. Москва : Наука, 1991. С. 28–34.
32. Раскин Д. Облака уплывающих империй. Киплинг и Мандельштам // Звезда. 2017. № 10. С. 233–244.

33. Сурганова Т. В. «Мы с тобой одной крови»: Редьярд Киплинг в творчестве Владимира Высоцкого // Владимиру Высоцкому – 70. Николаев : Наваль, 2009. С. 208–221.
34. Тихонов Н. С. Анофелес. Ленинград : Изд-во Писателей в Ленинграде, 1930. 142 с.
35. Тихонов Н. С. Двойная радуга. Москва : Советский писатель, 1964. 684 с.
36. Тихонов Н. С. Из могилы стола: литературное наследие / сост. И. А. Чепик-Юренева. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 512 с.
37. Тихонов Н. С. Лицом к лицу. Поэма // Недра. Литературно-художественный сборник. Кн. 6. Москва : Недра, 1925. С. 43–56.
38. Тихонов Н. С. Николай Тихонов // Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.
39. Тихонов Н. С. Собрание сочинений: в 7 тт. Т. 5. Москва : Художественная литература, 1975. 448 с.
40. Тихонов Н. С. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья и сост. В. А. Шошин, подготовка текста и примеч. А. С. Морщихина. Ленинград : Советский писатель, 1981. 800 с.
41. Тихонов Н. С. 100 стихотворений / сост. К. А. Шакарян. Москва : Б. С. Г.-Пресс, 2024. 224 с.
42. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / под ред. В. А. Каверина, А. С. Мясникова. Москва : Наука, 1977. 578 с.
43. Хорошилова О. А. Всадники особого назначения. Москва : Фонд «Русские Витязи», 2013. 248 с.
44. Хренков Д. Т. Николай Тихонов в Ленинграде. Ленинград : Лениздат, 1984. 206 с.
45. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд., исправл. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

Reference list

1. Abel'skaja R. Sh. «Ne brodjagi, ne propojcy, za stolom semi morej...» (Okudzhava, Kipling, Gumilev i drugie) = “Not vagabonds, not drunkards, at the table of the seven seas...” (Okudzhava, Kipling, Gumilev and others) // Golos nadezhdy: novoe o Bulate Okudzhave / sost. A. E. Krylov. Moskva : Bulat, 2006. Vyp. 3. S. 336–358.
2. Belaja bor'ba na Severo-Zapade Rossii = The White struggle in the North-West of Russia / sost., nauch. red., predisl., komment. S.V. Volkova. Moskva : Centrpoligraf, 2003. 687 s.
3. Belaja Rossija 1917–1922. Fotoal'bom = The White Russia 1917-1922. Photoalbum/ pod red. V. Zh. Cvetkova, B.S. Pushkareva. Moskva : Posev, 2003. 320 s.
4. Betaki V.P. Red'jard Kipling i russkaja poezija XX veka = Rudyard Kipling and the 20th century Russian poetry // Kipling R. Izbrannye stihi iz vseh knig / sost. V. P. Betaki. [B. m.] : Salamandra P.V.V., 2011. S. 256–305.
5. Bljumkvist Ju.S. Obraz vojny v poezii pozdnego R. Kiplinga = The war image in the poetry of the late R. Kipling // Science Time. 2014. № 9. S. 21–28.
6. Bogatyreva S.I. Volja pojeta i svoevolie ego vdovy. Problemy tekstologii pozdnego Mandel'shtama = The poet's will and the willfulness of his widow. Textual problems in the late Mandelstam's works // «Otdaj menja, Voronezh...»: Tret'i

mezhdunarodnye Mandel'shtamovskie chtenija : sbornik statej. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1995. S. 360–377.

7. Vasilenko S.V. i dr. O. Je. Mandel'shtam. Proizvedenija: stihotvorenija = O. E. Mandelstam. Works: poems // Mandel'shtamovskaja jenciklopedija: V 2 tt. T. 2 / pod red. O. A. Lekmanova, P. M. Nerlera. Moskva : ROSSPJeN, 2017. S. 55–109.

8. Ves' Petrograd na 1917 god = All of Petrograd for 1917. Petrograd : T-vo A. S. Suvorina «Novoe vremja», 1916. 1880 c.

9. Vospominanija o Sergee Esenine = Memories about Sergei Esenin / pod red. Ju. L. Prokusheva. Moskva : Moskovskij rabochij, 1965. 521 s.

10. XXIII s#ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. 29 marta – 8 aprelja 1966 g. Stenograficheskoj otchet: v 2-h tt. T. 1 = XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 29 – April 8, 1966. Stenographic report: in 2 vols. Vol. 1. Moskva : Politizdat, 1966. 640 s.

11. Dymshic V. A. Red'jard Kipling = Rudyard Kipling // Kipling R. Stihotvorenija / sost. A. Glebovskaja, S. Stepanov. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1994. S. 5–23.

12. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 2 = Complete collection of works: in 7 vols. Vol.2 / pod red. Ju.L. Prokusheva. Moskva : Nauka; Golos, 1997. 464 s.

13. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 3 = Complete collection of works: in 7 vols. Vol.3 / pod red. Ju.L. Prokusheva. Moskva : Nauka; Golos, 1998. 720 s.

14. Zhevahov N.D. Vospominanija tovarishha Ober-Prokurora Svjatejshego Sinoda knjazja Nikolaja Zhevahova. T. 2: Mart 1917 – Janvar' 1920 = Memoirs of Prince Nikolai Zhevakhov, comrade of the Chief Prosecutor of the Holy Synod. Vol. 2: March 1917 – January 1920. Novyj Sad, 1928. VIII+461 s.

15. Iz jepistoljarnogo nasledija sovetskih pisatelej = From the epistolary heritage of Soviet writers // Literaturnoe nasledstvo. T. 93: Iz literaturnogo nasledstva sovetskih pisatelej 1920–1930-h godov. Novye materialy i issledovanija / pod red. V. R. Shherbiny. Moskva : Nauka, 1983. S. 531–737.

16. Kaverin V.A. Schast'e talanta: Vospominanija i vstrechi, portrety i razmyshlenija = The happiness of talent: Memories and meetings, portraits and reflections. Moskva : Sovremennik, 1989. 320 s.

17. Kazarin V. P. B. P. Kornilov i D.R. Kipling = B. P. Kornilov and D. R. Kipling / V. P. Kazarin, N.A. Ishhenko // Voprosy russkoj literatury. 2012. № 20 (77). S. 128–133.

18. [Kofyrin N. V.] Ballada o gvozdjah. Chast' 1. Desjatiletija pod spudom lozhnyh versij = The Ballad of Nails. Part 1. Decades under a bushel of falsehoods // Sergej Belen'kij. Byloe i dумы. 2015. 2 ijulja. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11069.html> (data obrashhenija: 28.05.2025).

19. [Kofyrin N. V.] Ballada o gvozdjah. Chast' 2. Kurs – ost. Kronshadskij kegel'ban = The Ballad of Nails. Part 2. The course is Kronstadt bowling alley // Sergej Belen'kij. Byloe i dумы. 2015. 15 avgusta. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11333.html> (data obrashhenija: 28.05.2025).

20. Kuz'minskij K.K. Eshhe o «narodnyh» pesnjah... Kipling, Ada Onoshkovich-Jacyna, Gennadij Fish i Ju. Andropov = More on “folk” songs... Kipling, Ada Onoshkovich-Yatsyna, Gennady Fish and Yu. Andropov. URL: <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/kipl.htm> (data obrashhenija: 28.05.2025).

21. Lekmanov O.A. Osip Mandel'shtam: vorovannyj vozduh = Osip Mandelstam: stolen air. Moskva : AST, 2016. 464 s.

22. Lekmanov O.A. Tihonov Nikolaj Semenovich = Tikhonov Nikolai Semenovich // Mandel'shtamovskaja jenciklopedija: v 2 tt. T. 1 / pod red. O. A. Lekmanova, P. M. Nerlera. Moskva : ROSSPJeN, 2017. S. 474–475.
23. Letopis' zhizni i tvorcestva S.A. Esenina: v 5 tt. T. 4 = Chronicles of S. A. Yesenin's life and work: in 5 vol. Vol. 4 / pod red. N. I. Shubnikovoj-Gusevoj. Moskva : IMLI RAN, 2010. 736 s.
24. Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3 tt. = Complete collection of works and letters: in 3 vols. / sost., podgot. teksta, komment. A. G. Meca. Moskva : Progress-Plejada, 2009.
25. Mandel'shtam O. Je. Sobranie sochinenij: v 4 tt. T. 3 = Collection of works: in 4 vols. Vol. 3 / Sost. i komment. P. M. Nerler, A. T. Nikitaev. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1994. 530 s.
26. Mandel'shtam O. Je. Stihotvorenija. Proza = Poems. Prose / Sost., vstup. st. i komment. M. L. Gasparov. Moskva : AST; Har'kov : Folio, 2001. 739 s.
27. Morev G. A. “Stihi o Staline” i “Stihi o neizvestnom soldate” Mandel'shtama. Arheograficheskij kontekst i vosstanovlenie teksta = Mandelstam's “Poems about Stalin” and “The Poem about the Unknown Soldier”. Archeographic context and text recovery // Novyj mir. 2022. № 5. S. 164–178.
28. Mosova D. V. Stihotvorenije Bulata Okudzhavy «Ne brodjagi, ne propojcy...»: dialog s Blokom na fone Kiplinga = Bulat Okudzhava's poem “Not vagabonds, not drunkards...”: a dialogue with Blok against the background of Kipling // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2012. Vyp. 2. S. 85–88.
29. Osip Mandel'shtam. Sem' pisem. Publikacija Serafimy Poljaninnoj [Sofii Viktorovny Poljakovoj] = Osip Mandelstam. Seven Letters. Published by Serafima Polyana [Sofia Viktorovna Polyakova] // Chast' rechi. Al'manah literatury i iskusstva. Vyp. 2–3. N'ju-Jork : Serebrjanyj vek, 1982. S. 6–14.
30. Petrograd v jeti dni. Po fotografijam dlja «Ogon'ka» A. Pomovskogo = Petrograd in those days. Based on A. Pomovsky's photographs for “Ogonyok” // Ogonek, 1917. № 29. 30 ijulja (12 avgusta). S. 461.
31. Pis'ma O. Je. Mandel'shtama N.S. Tihonovu. Publikacija, predisl. i primech. S. V. Poljakovoj = O. E. Mandelstam's letters to N.S. Tikhonov. Publication, foreword and notes by S. V. Polyakova // Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam: Issledovanija i materialy / pod red. Z. S. Papernogo. Moskva : Nauka, 1991. S. 28–34.
32. Raskin D. Oblaka uplyvajushhih imperij. Kipling i Mandel'shtam = Clouds of empires floating away. Kipling and Mandelstam // Zvezda. 2017. № 10. S. 233–244.
33. Sarganova T. V. «My s toboj odnoj krovi»: Red'jard Kipling v tvorcestve Vladimira Vysockogo = “You and I are of the same blood.” Rudyard Kipling in Vladimir Vysotsky's work // Vladimiru Vysockomu – 70. Nikolaev : Naval', 2009. S. 208–221.
34. Tihonov N. S. Anofeles = Anopheles. Leningrad : Izd-vo Pisatelej v Leningrade, 1930. 142 s.
35. Tihonov N. S. Dvojnaja raduga= Double rainbow. Moskva : Sovetskij pisatel', 1964. 684 s.

36. Tihonov N. S. Iz mogily stola: literaturnoe nasledie = From the grave of the table: a literary legacy / sost. I. A. Chepik-Jureneva. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2005. 512 s.
37. Tihonov N. S. Licom k licu. Pojema = Face to Face. Poem // Nedra. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik. Kn. 6. Moskva : Nedra, 1925. S. 43–56.
38. Tihonov N. S. Nikolaj Tihonov = Nikolai Tikhonov // Literaturnye zapiski. 1922. № 3. S. 29.
39. Tihonov N. S. Sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 5 = Collection of works: in 7 vols. Vol.5. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 448 s.
40. Tihonov N. S. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems / Vstupit. stat'ja i sost. V. A. Shoshin, podgotovka teksta i primech. A. S. Morshihina. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1981. 800 s.
41. Tihonov N. S. 100 stihotvorenij = 100 poems / sost. K. A. Shakarjan. Moskva : B.S.G.-Press, 2024. 224 s.
42. Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino = Poetics. Literary history. Cinema / pod red. V. A. Kaverina, A. S. Mjasnikova. Moskva : Nauka, 1977. 578 s.
43. Horoshilova O. A. Vsadniki osobogo naznachenija = The horsemen for special purpose. Moskva : Fond «Russkie Vitjazji», 2013. 248 s.
44. Hrenkov D. T. Nikolaj Tihonov v Leningrade. = Nikolai Tikhonov in Leningrad. Leningrad : Lenizdat, 1984. 206 s.
45. Shheglov Ju.K. Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelja = The novels by Ilf and Petrov. The Reader's Companion. 3-e izd., ispravl. i dop. Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. 656 s.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.
The article was submitted on 19.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025